

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ ВАНАГ (1899—1937 г.)

В начале августа 1934 г. Сталин и недавно избранный секретарем ЦК ВКП(б) Жданов отдыхали в Сочи. Со дня на день ожидался приезд из Ленинграда Кирова. По обыкновению отдых руководители совмещали с работой, рассмотрением неотложных дел. Вот и сейчас на столе у Генерального секретаря ЦК партии лежали присланные А. С. Бубновым для просмотра конспекты будущих школьных учебников по истории СССР и новой истории. Оба они были подготовлены по заданию ЦК ВКП(б) коллективами известных историков. Один коллектив возглавлял академик Н. М. Лукин, другой — профессор Н. Н. Ванаг. Оба конспекта не нравились Сталину, особенно конспект группы Н. Н. Ванага по истории СССР. Помедлив минуту, Сталин решительно продиктовал первую строку заключения: «Группа Ванага не выполнила задания и даже не поняла самого задания». Вскоре с этими замечаниями за подписью Сталина, Жданова и Кирова были ознакомлены авторы конспекта, а в январе 1936 г. их прочитала вся страна.

Тогда научной общественности не надо было разъяснять, о каком руководителе коллектива историков идет речь в директивных «Замечаниях по поводу конспекта учебника по истории СССР». В ином положении находится современный читатель. Имя Ванага знакомо сегодня лишь узкому кругу историографов и упоминается разве что в специальной литературе¹. Остаются неизвестными основные вехи его биографии, роль ученого в создании школьных учебников в 30-х гг., отсутствует библиография трудов. Между тем, занимая на протяжении ряда лет видное положение в советской исторической науке, Ванаг сыграл заметную роль в ее истории.

Трагическая судьба Ванага, как, впрочем, многих репрессированных историков, предопределила скудость сохранившихся источников. Бедны сведения о детских годах будущего ученого. В краткой автобиографии, подготовленной по просьбе Комакадемии в первой половине 30-х гг., он пишет: «Родился в 1899 году в Риге. Отец, служащий бухгалтер, умер в 1900 г. Мать в годы, последовавшие за смертью отца,— швея. Я частично воспитывался на средства брата и сестры (старого члена Социал-демократической партии Латвии, члена ВКП(б/)). Кончил гимназию, занимался преподаванием уроков»².

Октябрьская революция перевернула жизнь молодого латыша, открыв перед ним иные перспективы. В 1917 г. он примкнул к революционному движению, вступив в коммунистическую юношескую организацию в г. Вольмар. А в сентябре 1918 г. в Москве по протекции видного деятеля большевистской партии П. И. Стучки Ванаг, работая секретарем издательства Наркомата юстиции РСФСР, становится членом РКП(б). «В конце 1918 г.,— продолжает он,— командируюсь в Советскую Латвию, где назначаюсь членом коллегии Наркомата ревизии и контроля. Но фактически работаю в качестве продармейца в прифронтовой полосе. С падением Риги остаюсь на территории Советской Латвии в качестве члена ревкома и члена уездного комитета партии в прифронтовом Люцинском уезде. В 1919 г. осенью командируюсь на краткосрочные курсы в Москву (будущая Свердловка), которые не кончаю вследствие контузии, полученной при взрыве Московского комитета в Леонтьевском переулке, где наряду с некоторыми другими "свердловцами" присутствовал как один из организаторов-пропагандистов».

«После зачисления в лекторскую группу Свердловки,— продолжает Ванаг,— командируюсь, однако, в Азово-Черноморье, в Краснодар (Екатеринодар) на партийную работу». По завершении гражданской войны еще более года Ванаг остается на текущей партийной работе в качестве заведующего агитпропотделом

* Артизов Андрей Николаевич, кандидат исторических наук, сотрудник Роскомархива.

Краснодарского окружкома РКП(б), а затем секретаря одного из городских райкомов партии. Рядовым бойцом-добровольцем участвует он в подавлении Кронштадтского восстания.

Вновь в учебную аудиторию, на этот раз окончательно, Ванэг возвратился в середине 1921 г. Начался важный период его жизни — учеба на лекторских курсах при Комуниверситете им. Я. М. Свердлова, а с 1922 г. — на историческом отделении Института красной профессуры (ИКП). Для двадцатидвухлетнего слушателя все ново и интересно: знакомство с М. Н. Покровским, другими видными учеными-большевиками, погружение в мир истории, который, как уверяют учителя, совершенно не изучен, поскольку буржуазные историки писали неправду, а историки-марксисты только приступают к изучению прошлого; первые муки творчества... Ванэг окончательно определяет свою дальнейшую судьбу — посвятить себя науке.

Атмосфера напряженного научного поиска окружает Ванэга в стенах ИКП. Его товарищи по учебе — молодые талантливые С. М. Дубровский, А. В. Шестаков, А. М. Панкратова, В. Н. Астров, А. Н. Слепков, А. И. Гайстер и др. Они активно выступают в партийной печати, публикуют популярные очерки и брошюры, участвуют в острых научных и политических дискуссиях. Как и все слушатели ИКП, одновременно с учебными занятиями Ванэг ведет преподавательскую деятельность, сначала в Комуниверситете трудящихся Востока и «Свердловке», затем в Институте им. К. Либкнехта и Комуниверситете национальных меньшинств Запада. Вместе с С. Г. Томсинским Ванэг предпринимает попытку подготовить для вузов учебную хрестоматию по экономическому развитию России во второй половине XIX — начале XX в. Ее замысел — при помощи выдержек из различных исследований и статистических сборников, в том числе последних марксистских новинок, дать студенту недостающие сведения о развитии российского капитализма. Разработку разделов, посвященных промышленности, берет на себя Ванэг, сельского хозяйства — Томсинский. Попытка оказывается удачной — вышедшая впервые в 1925 г. хрестоматия выдерживает впоследствии еще три издания³. «Справедливость требует сказать, что из имеющихся хрестоматий это одна из самых лучших... Авторы любовно собрали огромный материал (особенно в сводных статистических таблицах) и преподнесли его довольно удачно», — писал по поводу 3-го переработанного издания хрестоматии ее рецензент А. Л. Сидоров⁴.

Под влиянием М. Н. Покровского, в семинаре которого Ванэг занимался, формируются его научные интересы, связанные с изучением российского капитализма и предысторией Октября. Начинаящий исследователь смело вторгается в малоизученную область, очертания которой плохо ясны самому научному руководителю. В только закончившейся на страницах «Правды» дискуссии М. Н. Покровского с Л. Д. Троцким проблема социально-экономических предпосылок Октября была рассмотрена лишь в общетеоретическом плане, причем «спор завершился не понятийным, а образным определением материальной зрелости России накануне Октябрьской революции. Если Покровский считал, что наша страна подошла к революции как, пусть маломощный, но идущий собственным ходом пароход, то Троцкий скептически заметил, что скорее было нечто среднее между пароходом и баржой, идущей на европейском буксире»⁵. Поэтому результаты конкретного исследования проблемы представляли для М. Н. Покровского чрезвычайную ценность, и он настойчиво поощрял своего ученика.

С начала 1923 г. много времени молодой слушатель ИКП посвящает подготовке семинарского доклада, из которого выросла работа «Финансовый капитал в России накануне мировой войны. Опыт историко-экономического исследования системы финансового капитала в России»⁶.

Обращение к вопросу о финансовом капитале не было случайным. Для Ванэга финансовый капитал — центральный элемент системы монополистического капитализма, причем элемент, который господствует в этой системе. О господстве

банков над промышленностью как признаке финансового капитала писал западно-европейский экономист Р. Гильфердинг, выводы которого сохраняют, по мнению Ванага, теоретическую ценность. К тому же вопрос о финансовом капитале в России тогда был совершенно не изучен, хотя именно его рассмотрение позволило бы показать включенность российского империализма в международную империалистическую систему. Наконец, наличие развитого финансового капитала в стране — это лучшее доказательство материальной зрелости России для социалистической революции, это тот искомый ответ, который удовлетворял тогда запросы политики и снимал сомнения научного руководителя.

Понимая сложность стоящей перед ним задачи, Ванаг мобилизует для исследования практически всю имеющуюся литературу по теме, многочисленные статистические сборники и справочники, промышленно-финансовую периодику, обращается к фонду дореволюционного Министерства финансов в Ленинградском отделении Центрархива. В результате исследователю удается наиболее полно представить процесс формирования финансового капитала в России, показать механизм действия одной из важных особенностей отечественного монополистического капитализма — значительного превышения ввоза иностранных капиталов в страну над их вывозом. Не случайно работа Ванага позднее переиздается в 1925 и 1930 гг.

На политически актуальный вопрос о материальной зрелости России накануне Октября и закономерности революции Ванаг дает ответ в соответствии с собственными политическими взглядами. Сторонник троцкистской позиции в партийных дискуссиях 1923—1924 гг., он воспринимает идею Л. Д. Троцкого о России — «барже, идущей на европейском буксире», и обосновывает наличие в стране финансового капитала, главным образом иностранного происхождения. При этом он переносит на российскую почву ошибочные теоретические положения Р. Гильфердинга о неизбежности подчинения банками промышленности в ходе формирования финансового капитала. «Начало развития русского монополистического капитализма, — пишет Ванаг, — тесно связано с международным банковым капиталом, который... стал углублять свои связи с русской индустрией и к кануну войны фактически монополизировал почти всю систему русского промышленного капитала, по крайней мере ее командные высоты. Только монополизация русской промышленности международным банковым капиталом совершалась в утонченной форме... международный банковый капитал подчинил себе русскую промышленность через русские акционерные коммерческие банки, своей вывеской скрывавшие существо происходившего»⁷. Для Ванага нет ничего предосудительного в том, что российский империализм создавался на деньги европейских банкиров, главное, что он вообще создавался и формировал национальный пролетариат — будущего строителя социализма.

Положительный ответ на основной политический вопрос о зрелости России для социализма — таким оказался вывод первой работы Ванага. Несомненно то, что, дав наиболее развернутую аргументацию в пользу теории «денационализации» русского капитализма, она заняла видное место в ряду исследований по отечественному империализму, а ее автор во вспыхнувших вскоре спорах о «национализации» и «денационализации» по праву стал считаться главой научного направления, хотя ему тогда едва минуло двадцать пять.

Несмотря на то, что в предисловии Ванаг критиковал характеристику империализма в «Очерках по истории революционного движения» М. Н. Покровского за ее расхождения с ленинскими определениями, учитель высоко оценил работу ученика, который более основательно, чем он сам, доказывал наличие в России империализма, а значит, и материальной базы пролетарской революции. Выводы Ванага о «денационализации» не противоречили высказанным ученым в споре с Л. Д. Троцким мыслям об экономической зависимости России от европейского капитала. Поэтому теорию «денационализации» М. Н. Покровский назвал «последним словом нашей науки», горячо поддержав своего ученика⁸.

М. Н. Покровский принял деятельное участие в решении судьбы Ванага при распределении окончивших ИКП. Вопреки энергичным возражениям секретаря ЦК КП(б) Украины Л. М. Кагановича весной 1925 г., он опротестовал постановление Секретариата ЦК ВКП(б) о направлении Ванага на преподавательскую работу в Харьков. Покровского при этом не смутил компрометировавший Ванага факт его временного исключения из ВКП(б) партийкой ИКП за поддержку троцкистской оппозиции. Доказывая желательность оставить способного ученика в Москве, Покровский апеллировал к необходимости его участия в подготовке трехтомного издания «1905. История революционного движения в отдельных очерках» и ссылаясь на то обстоятельство, что еще в июле 1924 г. Ванаг в числе группы слушателей ИКП был привлечен к работе Всесоюзной комиссии по празднованию 20-й годовщины революции 1905 г., действовавшей под эгидой Истпарта ЦК ВКП(б). В итоге был достигнут компромисс, и Секретариат ЦК ВКП(б) разрешил оставить Ванага в Москве до 1 июля 1925 г.

Отпущенное ему короткое время молодой исследователь использовал сполна, подготовив для трехтомника два самостоятельных очерка⁹. Литературу тех лет отличало обилие привлеченных источников. Не исключением были и очерки Ванага¹⁰. Привыкшему к сухим статистическим выкладкам и экономическим расчетам, ему особенно удался очерк о 9 Января, в котором проявились его источниковедческие (в частности, по реконструированию истории создания знаменитой «Петиции» петербургских рабочих) и аналитические способности (в анализе соотношения стихийного и сознательного начал в гапоновском движении и роли социал-демократической партии, которая, по определению исследователя, «плелась в хвосте событий» из-за раздиравших ее фракционных разногласий).

В ответ на начавшуюся критику теории «денационализации» и упреки за упрощенный показ взаимоотношений банков и промышленности (тезис об абсолютном господстве первых над второй в духе Р. Гильфердинга) и ошибки в методологии статистических подсчетов удельного веса иностранных капиталов в российской экономике¹¹, ученый написал полемическую статью, в которой попытался опровергнуть аргументы оппонентов. «Мы не ставили себе в работе специальной задачи осветить вопрос... какой из составных элементов... имел перевес в русской системе империализма...», — признал Ванаг по поводу первых упреков. И продолжал: «Все же перевес, если взять систему в целом... приходится на банковый капитал»¹². Доказательства? Ванаг не утруждал себя их поиском, обращаясь к вырванным из контекста цитатам Ленина, а не к конкретным фактам экономического развития страны. Нехватку последних ученый компенсировал пространными рассуждениями об открывшейся благодаря архивам бывшего МИДа и канцелярии министра финансов «любопытной картине зависимости политики царского правительства кануна войны от парижской и лондонской бирж».

Пока Ванаг пребывал в Харькове, где возглавлял кафедру истории России и Украины Комуниверситета им. Артема и преподавал в местном институте подготовки кадров ИКП, М. Н. Покровский не забывал о своем ученике. Осенью 1926 г. решил вопрос о переводе его в Москву на должность заведующего подготовительным отделением и учебной частью Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН). И так, Ванаг вновь в столице в кругу товарищей по родному институту, вновь рядом с М. Н. Покровским. Только участок работы иной — осуществление партийного контроля за набором и подготовкой аспирантов в цитадели старой профессуры — институтах системы РАНИОН. Можно возобновить и прежние контакты и даже пригласить к себе домой на вечеринку видных деятелей троцкистской оппозиции Е. А. Преображенского и К. Б. Радека, поскольку многое из высказываемого ими Ванаг по-прежнему разделяет. Правда, после решений XV съезда ВКП(б) об исключении из партии оппозиционеров столь опрометчивых шагов Ванаг уже не допускает.

Научно-организационная и преподавательская деятельность отнимала у Ванага много времени и сил. Бесконечная череда заседаний, отчетов, учебных семинаров, экзаменов, проверка вступительных работ будущих аспирантов. Вот, например, из Калуги прислал свои документы Б. Н. Тихомиров. Вместо вступительного сочинения — обширное предисловие к выпущенному местным Истпартом юбилейному изданию о революции 1905—1907 гг. «Судя по работе, автор далеко не формально знаком с указанными материалами,— быстро набрасывает Ванаг свой отзыв,— ему удалось написать недурной социологический очерк развития местной экономики...»¹³. Проставив в конце заключения дату — 28 августа 1927 г., он задумывается: «Зачем Тихомирову обучаться в РАНИОН? Коммунист, ответственный работник губкома партии — налицо все данные для приема в ИКП. Надо бы переговорить с Михаилом Николаевичем Покровским»¹⁴.

Своему бывшему научному руководителю Ванаг обязан очень многим. Он хорошо это сознает. Недаром столь восторженна его характеристика заслуг М. Н. Покровского в дни празднования 60-летия ученого: «...создал пролетарскую историческую науку... произвел революцию в понимании исторического прошлого России»¹⁵. И сейчас по каждому принципиальному вопросу руководства РАНИОН молодой администратор советуется с Покровским. В разгоревшихся в конце 1928 — начале 1929 г. спорах о судьбе институтов экономики и истории РАНИОН Ванаг безоговорочно поддерживает М. Н. Покровского, выступившего против предложения Н. И. Бухарина и Д. Б. Рязанова о передаче институтов в ведение Академии наук. Незачем потакать идеологически чуждым элементам, институты должны быть ликвидированы, взамен созданы аналогичные учреждения в системе Комакадемии,— решительно ратует Ванаг 11 марта 1929 г. за позицию М. Н. Покровского на заседании фракции коммунистов Центрального Совета Общества историков-марксистов (ОИМ)¹⁶. Назначенный заместителем председателя РАНИОН, ученый энергично проводит в жизнь принятое в те дни постановление ЦК ВКП(б) о создании Института истории при Комакадемии. Согласно постановлению, «развертывание Института истории Комакадемии и слияние с ним Института истории РАНИОН» должно было закончиться к 1 октября 1929 г., и в ходе начавшейся чистки РАНИОН Ванаг вместе с другими руководителями Президиума ассоциации голосует за отчисление из института аспирантов И. С. Макарова, В. И. Шункова, Л. В. Черепнина ввиду «неусвоения ими марксистской методологии»¹⁷.

Активность Ванага оказывается замеченной: без проволочек происходит его утверждение членом коллегии нового Института истории Комакадемии, а в ноябре 1929 г. в связи с отъездом на лечение за границу М. Н. Покровского он назначается временно исполняющим обязанности председателя РАНИОН. Зимой следующего года Покровский рекомендует Ванага на пост заведующего историческим отделением ИКП. В отличие от отстраненного И. И. Минца Ванаг, по мнению Покровского, способен переломить чрезмерно критические настроения слушателей к тогдашнему руководству исторического фронта и ОИМ.

Но, как вскоре выяснилось, Покровский ошибся. В обстановке ожесточенных споров, частой смены политических ориентиров и идеологических кампаний Ванаг не оправдал надежд своего наставника. Вместе с В. Н. Рахметовым и Н. Н. Эльвовым он подписал заявление в ЦК ВКП(б) против ближайшего сподвижника Покровского П. О. Горина, обвинив последнего в право-левацком уклоне. Не препятствовал Ванаг и развернувшейся в ИКП проработке А. М. Панкратовой. Как жаловался в письме секретарям ЦК ВКП(б) 5 февраля 1931 г. М. Н. Покровский, «троцкистские связи и знакомства продолжают иметь влияние на тов. Ванага», поэтому он снимает его с поста заведующего историческим отделением ИКП¹⁸. Глубокая трещина прорезала с этого момента личные отношения историков. Сказалась она и в научных выступлениях Ванага.

Постепенно набирающая силу дискуссия о финансовом капитале подталкивала ученого углубиться в изучение старой темы, расширить ее рамки, связав экономические процессы с политической надстройкой дореволюционной России.

В письме от 11 октября 1927 г., адресованном коллегии Института истории РАНИОН, свои научные планы Ванаг охарактеризовал следующим образом: «Буду продолжать работу над темой "К вопросу о системе государственного капитализма в России". Работу предполагаю закончить через два года. Объем работы от 15 до 20 печатных листов»¹⁹.

Основные события дискуссии о финансовом капитале в России подробно освещены в монографиях К. Н. Тарновского и В. И. Бовыкина²⁰. Но оценка выступления одного из главных участников дискуссии — Ванага, думается, нуждается в уточнениях. Сегодня она предстает далеко не однозначной.

В своем докладе «О характере финансового капитала в России» в секции истории народов СССР на Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов в декабре 1928 г. Ванаг признал: «Отказаться от чего-либо существенного из сказанного раньше мы не видим оснований»²¹. Подобное откровение являлось одновременно и правдой, и неправдой. Правдой потому, что в вопросе о самостоятельности системы российского финансового капитала, степени его зависимости от иностранных вкладчиков Ванаг оставался при прежнем мнении. Суть дела мало меняли реверансы по адресу критиков типа того, что накануне и в годы мировой войны «тенденция к оформлению элементов национального финансового капитала крепла» или что в стране появились «финансовые предприниматели типа Рябушинских, Н. А. Второва, Гучкова...». Неправдой потому, что в других вопросах ученый ушел значительно вперед в сравнении с ранними собственными взглядами.

Ванаг едва ли не первым из участников дискуссии понял необходимость анализа формирования финансового капитала в тесной связи с политическими процессами. Решение проблемы, заявил он делегатам конференции, «должно опираться на тщательное изучение не только статистико-экономического материала, но и всей совокупности экономических и социальных условий, в которых складывалась система финансового капитала в России»²².

Сделав многообещающую заявку, докладчик тут же попытался реализовать ее, хотя и в рамках излюбленной им теории «денационализации». Если ранее ученый делал упор на изображении зрелости империализма в России, обуславливая ее почти исключительно влиянием иностранного капитала, на тождественности российского и мирового исторических процессов, то теперь акценты расставлялись по-иному. Теперь в центре внимания Ванага оказались своеобразие российской истории, воздействие царизма и других феодально-крепостнических пережитков на отечественный капитализм. Именно это реакционное, по мысли исследователя, воздействие препятствовало самостоятельному развитию российского капитализма, толкало его в пути зависимости к иностранным банкирам, порождало глубокие социально-экономические противоречия в стране. С конца XIX в., считал Ванаг, в России выявились два возможных пути развития капитализма: с сохранением существующей политической системы и помещичьего землевладения или при условии ликвидации этих феодальных пережитков. Второго не произошло, так как революция 1905—1907 гг. закончилась поражением. Оставался единственный путь, в рамках которого попытка царизма приспособиться к нуждам капитализма (стольпинские реформы) закончилась крахом, поэтому внутренние противоречия отечественного капитализма можно было решить лишь с привлечением иностранного капитала. Заимствованная у советского историка-экономиста Л. Н. Крицмана ложная идея о невозможности сращивания государственного аппарата царизма с капиталистическими монополиями дополняла нарисованную Ванагом картину противоречий в России накануне Октября.

Ошибочная схема, механическое сложение экономических и политических факторов исторического процесса и одновременно приоритетная постановка вопроса о путях и особенностях развития российского капитализма — все это содержало выступление Ванага в дискуссии о финансовом капитале на рубеже 1928—1929 гг. Последовавший во многом благодаря усилиям ученого перевод дискуссии в иную методологическую плоскость, расширение границ изучения

темы, выдвижение требования большей комплексности и системности исследования, несомненно, оказали положительное воздействие на отечественную историографию.

Стремление выявить своеобразие российского капитализма сквозь призму борьбы возможных путей его развития продемонстрировал Ванаг и в своем докладе 10 февраля 1931 г. в секции истории империализма в ОИМ²³. Вновь ученый открыто заявил о тормозящем влиянии политических факторов на развитие отечественного капитализма, вновь подчеркивал, что «...в условиях развития капитализма по "прусскому" образцу, при продолжающейся борьбе двух путей, когда Пуришкевичи направляют развитие капитализма, но прусский путь еще не победил, невозможно самостоятельное и быстрое развитие капитализма в стране». «Запомните это те, — патетически восклицал Ванаг, — кто требует от меня отказа от моих взглядов... от моего основного положения о зависимом характере русского капитализма, в том числе и финансового»²⁴. Многочисленные ошибки в изложении ленинских мыслей о двух путях развития капитализма в России, явная переоценка исторического места этой проблемы, излишнее внимание к ее классовому содержанию в ущерб экономическим аспектам темы соседствовали, однако, с отдельными ценными заключениями. Ученый справедливо увязывал вопрос о своеобразии российского капитализма с ходом и перспективами революционного движения в стране, правильно характеризовал недостатки текущей марксистской литературы. В частности, аргументированной критике подверглись работы Г. Е. Меерсона за стремление представить пугачевское движение в качестве ранней буржуазной революции, статьи А. И. Малышева (а по сути и М. Н. Покровского) за взгляд на крепостное хозяйство как одну из форм внедрения капитализма в сельское хозяйство, работы А. И. Гайстера, С. М. Дубровского, И. И. Литвинова — за одностороннее увлечение экономическо-статистическим методом в изучении империализма.

Объясняя причины упорного, несмотря на жесткую критику, отстаивания Ванагом своих взглядов, К. Н. Тарновский и В. И. Бовыкин указывают на некритическое восприятие им буржуазной литературы, слабое знание марксистско-ленинского теоретического наследия, недостаток источников. По-иному объясняет этот факт В. Ю. Соколов. «...Смог бы Ванаг так долго защищать свою столь надуманную схему в 20-е гг., в период, когда ко всякой теории предъявлялись самые серьезные практические требования? — задумывается он и здесь же разъясняет — ...Ответ напрашивается сам собой: именно прямая ориентация на задачи проходившей в то время в стране политической борьбы во многом оправдывала существование концепции, подобной ванаговской»²⁵.

Подобный подход заслуживает внимания. В самом деле, идеи экономической зависимости страны от европейского капитала, решающей роли политических факторов в ее дореволюционной и послеоктябрьской истории, в объяснении причин победы пролетарской революции вполне укладывались в ту концепцию истории и перспектив социалистического строительства в России, которую проповедовали Л. Д. Троцкий и его окружение. Отнюдь не случайным предстают тогда участие Ванага в троцкистской оппозиции в 1924 г., его последующие контакты с видными троцкистами, политические обвинения по его адресу со стороны М. Н. Покровского в начале 1931 г., наконец, момент и форма признания ученым своих взглядов ошибочными. Признание это состоялось не в ходе научной дискуссии, не как итог обычной ученой полемики, а как результат резкой политической квалификации работ Ванага вскоре после (осень 1931 г.) появления известного письма Сталина в журнале «Пролетарская революция».

Покаянное заявление в партийную организацию ИКП истории и редакцию «Историка-марксиста» Ванаг написал 15 января 1932 г., вслед за публикацией в печати подобных заявлений К. Б. Радека, Е. М. Ярославского, А. М. Деборина, К. А. Попова, В. Н. Рахметова, И. Л. Татарова и многих других общественников. В отличие от своего выступления 18 ноября 1931 г. на заседании партийной фракции, ОИМ по докладу В. Г. Кнорина «Уроки статьи т. Сталина и задачи

на историческом фронте», где он не считал возможным открыто признать свои ошибки, в заявлении он прямо пишет об «ошибках полутроцкистского порядка». «...Считаю необходимым решительнейшим образом осудить точку зрения, представляющую царскую Россию колонией западноевропейских империалистических стран,— заявил Ванэг.— Эта теория служит обоснованием для троцкистского тезиса о невозможности строительства социализма в нашей стране...». «Мое исходное положение в брошюре "Ленинская концепция двух путей развития капитализма" о том, что борьба двух путей капиталистического развития являлась осью классовой борьбы в эпоху буржуазно-демократической революции,— продолжал он,— ошибочно и политически вредно», ибо оно игнорирует классовую борьбу пролетариата с буржуазией за социалистическое переустройство общества. «Считаю своим партийным долгом приступить к немедленному исправлению своих ошибок и к переработке своих литературных работ»,— заверял в заключение Ванэг партийных руководителей и своих критиков²⁶.

Повод для самокритики и демонстрации «исправленных» научных взглядов вскоре появился — Агитпропотдел ЦК ВКП(б) поручил Ванэгу, недавно назначенному руководителем кафедры истории народов СССР Института заочного обучения партийных кадров ЦК ВКП(б), подготовить для учащихся средних звеньев сети партийного просвещения «Краткий очерк истории народов СССР». Отведенный полугодовой срок и крайняя нужда в учебном пособии заставляли поторопиться. Поэтому к сотрудничеству Ванэг привлек Е. Я. Дабкинину, С. С. Мильмана, А. Королева и И. Кузнецова, которые написали разделы «Крепостничество и крестьянские войны», «Классовая борьба и реформы 60-х гг.», а также главы о народничестве и первых шагах рабочего движения. Для рецензирования очерка был приглашен В. И. Невский, отличавшийся в этом деле необычайной скрупулезностью и доброжелательным отношением к авторам²⁷.

Основную часть центрального раздела очерка под названием «1861 г. породил 1905 г.» Ванэг подготовил самостоятельно, обильно насытив текст авторскими признаниями былых заблуждений. «...Вопрос о так называемой отсталости развития капитализма в промышленности, вызвавший ожесточенную дискуссию на нашем историческом фронте в связи с допущенными автором этих строк ошибками...»,— констатировал Ванэг сегодня, наконец, поставлен на правильную почву. Речь должна идти не об отсталости, а о той быстроте, с которой Россия догоняла в конце XIX — начале XX в. передовые капиталистические державы, о «средне-слабом» уровне развития капитализма в стране. «По существу к отрицанию перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую в условиях 1905 г.,— продолжал ученый свои признания,— приходили защитники тезиса о том, что основной осью классовой борьбы в эпоху буржуазно-демократической революции в России была борьба „американского" пути развития с "прусским" (Ванэг). Тезис явно игнорирует две социальные войны в революции и дает социально-экономическое обоснование лишь ее буржуазно-демократическому этапу...»²⁸.

«Очерк...» получил благожелательный отклик на страницах журнала «Историк-марксист»²⁹. К достоинствам книги рецензенты отнесли ее насыщенность конкретными фактами из прошлого революционного движения, удачное использование ленинских оценок, критику враждебных исторических схем. Особых похвал удостоился последний раздел, почти целиком написанный Ванэгом. Под рецензией стояли подписи вчерашних студентов Афиногенова и Бармина, но, судя по содержанию, в ее подготовке участвовала более зрелая рука. Во всяком случае поднятый в рецензии широкий круг вопросов, программных для создания будущих учебников, мог быть поставлен только опытным ученым.

Вопрос об учебниках возник в те дни не случайно. В новой исторической обстановке в условиях формирующегося культа личности Сталина старые учебные программы и курсы выглядели одиозными в силу их абстрактности и социологизма, недооценки национальных и патриотических чувств и антигосударственных применительно к дореволюционной России акцентов, частых упоминаний неугодных

лиц и событий. В принятом 25 августа 1932 г. постановлении «Об учебных программах и режиме в начальной и средней школе» ЦК ВКП(б) выдвинул требование улучшить преподавание истории. Наркомпросу РСФСР поручалось возглавить работу по созданию стабильных исторических учебников.

2 апреля 1933 г. под председательством наркома просвещения РСФСР А. С. Бубнова в доме на Чистопрудном бульваре состоялось очередное заседание комиссии по школьным учебникам. Пятым пунктом повестки дня значилось обсуждение учебника «История эпохи феодализма» А. И. Гуковского и О. В. Трахтенберга. Решение было сжатым и конкретным: признать учебник неподготовленным, для его переработки привлечь специалистов старой школы, одновременно ускорить переиздание «Русской истории в самом сжатом очерке» М. Н. Покровского, «поручить тт. Ванагу, Б. Граве, А. Панкратовой и В. Бернадскому (под руководством Ванага) написать учебник по истории России и СССР, дав им продолжительный срок для работы. Провести это задание через ЦК ВКП(б)»³⁰.

Почему при назначении главы авторского коллектива выбор пал именно на Ванага? Чтобы ответить на этот вопрос, следует, видимо, вспомнить должностное положение Ванага. С января 1933 г. ученый являлся заместителем директора Института истории Комкадемии и по распределению обязанностей между ним и директором Н. М. Лукиным отвечал за изучение отечественной истории. Эту руководящую должность дополняли почетное членство в комиссии по изданию Полного собрания сочинений М. Н. Покровского, заведование кафедрой в Институте заочного обучения партийных кадров ЦК ВКП(б), профессорская деятельность в ИКП истории. Друг и земляк Ванага В. И. Зеймаль работал заместителем у А. И. Стецкого (заведующего Культпропотделом ЦК ВКП(б/)), через который проводились в жизнь все принципиальные решения по народному образованию и общественным наукам. Наконец, при назначении учитывались научный авторитет Ванага, его опыт, накопленный при написании «Краткого очерка истории народов СССР».

Отныне подготовка нового учебника становится главной заботой Ванага. Мысли о нем каждодневно тревожат ученого, отражаются в его статьях и выступлениях по поводу событий, казалось, не связанных непосредственно с этой темой³¹. Однако в ходе работы над учебником обнаруживаются более значительные препятствия, чем это первоначально представлялось, и к весне 1934 г. учебник остается незавершенным.

Сегодня можно лишь догадываться, почему вопрос о неудовлетворительном преподавании истории в школах страны впервые был поставлен на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 5 марта 1934 г., а не ранее. Но одно несомненно, Сталин хорошо понимал роль исторического образования в формировании сознания широких масс населения и идеологическом обеспечении предстоящих крутых перемен в политической жизни общества. Итоги предварительного обсуждения на Политбюро ЦК ВКП(б) стали предметом рассмотрения срочно созванного 8 марта совещания историков и географов у наркома просвещения РСФСР А. С. Бубнова. Во вступительном слове председательствующий выразил неудовольствие деятельностью комиссии наркомата по учебникам, назвал нетерпимым отсутствие стабильных учебников и учебных программ и призвал присутствующих организовать борьбу с социологизаторством за преподавание «прагматической истории». А. С. Бубнова поддержали выступившие в прениях Н. К. Крупская, Н. М. Лукин, А. М. Панкратова и др. «Нам нужен большевистский Иловайский», — так красочно выразил суть новых подходов к преподаванию участник совещания Ванаг. Вместе с другими ученый проголосовал за создание под руководством заместителя наркома просвещения РСФСР М. С. Эпштейна новой комиссии по учебникам с включением в нее группы видных специалистов-историков. Комиссии поручалось в четырехдневный срок определиться с учебниками на два предстоящих учебных года (какую книгу оставить, что переделать или написать заново), рассмотреть вопрос о воссоздании элементарного курса истории в начальной

школе и выработать очередность преподавания исторических курсов в 5—10 классах³².

Дальнейшие события разворачивались с небывалой быстротой. 13 марта М. С. Эпштейн провел заседание комиссии, на котором выступили Н. Н. Ванаг, Н. М. Лукин, Г. С. Фридлянд, А. М. Панкратова, В. М. Далин и др. Обсуждались проекты наркомпросовских документов для внесения в Политбюро ЦК ВКП(б). Члены комиссии признали желательным открытие журнала под условным названием «История и обществоведение в средней школе». Авторские коллективы по новым учебникам решено было сформировать на конкурсной основе. Учебник по истории СССР для 8—10 классов предлагалось поручить написать группам Н. Н. Ванага (А. М. Панкратова, А. В. Фохт и Н. В. Вихирев) и С. А. Пионтковского (В. И. Лебедев, Н. Стражев). В качестве срока окончания работы значился июнь 1935 г. Чтобы не сорвать учебный процесс в очередном 1934/35 учебном году, намечалась корректировка уже имеющейся учебной литературы³³.

На следующей неделе в Кремле состоялась встреча историков со Сталиным и другими руководителями партии и правительства. Детали встречи рисует в своих воспоминаниях «Как я стал историком» А. И. Гуковский. «...Я плохо улавливал, о чем говорил Бубнов,— вспоминал он.— Когда мы вошли, он уже начал доклад. Потом выступал Сталин. Он не спеша прошел к столу с материалами, вернулся с какой-то книгой в руке (Трахтенберг тихонько толкнул меня локтем, но я не понял сигнала, по близорукости не разглядев, что это наш учебник) и, стоя в среднем проходе у своего места, начал говорить, обернувшись в нашу сторону. "Меня попросил сын объяснить, что написано в этой книге. Я посмотрел и тоже не понял". Примерно так начал Сталин. Потом говорил, что учебник надо писать иначе, что нужны не общие схемы, а точные исторические факты. Говорил недолго, минут пять-десять, не больше. После этого мы ушли. Ни о каких постановлениях при нас не говорилось...»³⁴.

По итогам встречи 20 марта Политбюро ЦК ВКП(б) поручило А. С. Бубнову и А. И. Стецкому выработать окончательные предложения о составе авторских коллективов и последовательности преподавания истории в школе. В связи с этим 22 марта А. С. Бубнов созвал новое совещание. Выступивший на нем Н. Н. Ванаг вслед за Г. С. Фридляндом выразил сомнения в реальности предлагаемого трехмесячного срока для написания учебников. Сегодняшнее поколение историков, заявил Ванаг, пока неспособно дать требуемые книги, ибо историкам нужно пройти «курсы ликвидации их недостаточной квалификации». «Мы должны разделаться со старым наследием,— продолжал ученый.— Пора кончать... с изучением только общих проблем социально-экономической истории, а дать плоть и кровь этой истории». Введение забытых понятий «древняя, средняя, новая история» — это настоящий переворот в науке, это «перестройка всего нашего исторического сознания»³⁵.

Предложения А. С. Бубнова и А. И. Стецкого Политбюро ЦК ВКП(б) рассмотрело 29 марта. Принцип состязательности при подготовке книг был отброшен и утверждены единые авторские группы учебников по древней истории (руководитель С. И. Ковалев), по средневековой истории (Е. А. Косминский), по новой истории (Н. М. Лукин), по новой истории зависимых и колониальных стран (К. Б. Радек) и по истории народов СССР (Н. Н. Ванаг). Решен был также вопрос о воссоздании исторических факультетов в Московском, Ленинградском, Казанском, Томском и Саратовском университетах. Спустя полтора месяца, 15 мая 1934 г. это решение Политбюро ЦК ВКП(б) по сложившейся практике было оформлено в совместное постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР и на следующий день опубликовано в газетах под известным ныне названием «О преподавании гражданской истории в школах СССР»³⁶.

Согласно постановлению и принятому в его исполнение 22 мая приказу А. С. Бубнова, перед Ванагом и его партнерами — Б. Д. Грековым, А. М. Панкратовой и С. А. Пионтковским была поставлена задача: до 15 июня 1934 г. подготовить конспект будущего учебника и на его основе после утверждения в

ЦК ВКП(б) написать к июню следующего года полный текст. Первой трудностью, с которой сразу столкнулись авторы, являлась периодизация. «Мы попытались найти такое построение учебника,— говорил 3 июня на совещании в Наркомпросе РСФСР Ванаг,— которое бы отвечало старой исторической хронологической последовательности событий и, с другой стороны, охватывало бы ту или другую определенную эпоху... с характерными для данной эпохи чертами»³⁷. Дополнительные сложности порождала неясность с количеством учебных часов и местом курса отечественной истории в школе.

Но все же конспект был написан удивительно быстро. Разделы древнейшей истории и о возникновении и начальном периоде феодализма составил Б. Д. Греков, по XVI—XVIII вв.— С. А. Пионтковский, по XIX — началу XX в.— Н. Н. Ванаг, революцию и послеоктябрьскую историю взяла на себя А. М. Панкратова. Конспект получился большим по объему — около 300 параграфов. Поэтому на очередном совещании 9 июня А. С. Бубнов потребовал его резкого сокращения, особенно разделов «Первые сведения о родовом и племенном строе», «Русь под главенством Киева» и «Образование Московского государства». Не устраивало наркома и содержание более поздних частей. «Я не говорю, что у вас есть подмена исторических событий отвлеченными социологическими схемами,— заявил А. С. Бубнов, обращаясь к Н. Н. Ванагу и С. А. Пионтковскому,— но остатки еще есть. Я вот чего боюсь: мы там (при изложении средневековой истории.— А. А.) все даем конкретно, а здесь мы даем схематически. (...) Я вас предупреждаю, что этот конспект будут смотреть с громадным вниманием. У нас история получается какая-то бледная. Когда мы говорим о Болотникове, Пугачеве и Разине, мы даем имена. Как только начинается революция, то у нас — массовое движение и только. Затем надо Сталина дать больше»³⁸.

Доработанный конспект 3 июля А. С. Бубнов отправил на просмотр в ЦК ВКП(б), откуда его вместе с конспектом учебника по новой истории группы Н. М. Лукина переправили в Сочи к отдыхавшему Сталину. Вождь отнесся к ним придирчиво, продиктовав свои знаменитые замечания, датированные 8 и 9 августа. Эти «Замечания по поводу конспекта учебника по истории СССР», за подписью Сталина, Жданова и Кирова 13 августа 1934 г. были разосланы другим членам Политбюро ЦК ВКП(б) и обоим руководителям авторских коллективов³⁹.

«Замечания...» смутили и напугали Ванага. Разумеется, публично ученый благодарил руководителей партии за проявленное внимание и заботу. Но в реальности все обстояло иначе. Составленные весьма своеобразно «Замечания...» скорее напомнили Ванагу и его коллегам о подстерегающих опасностях, чем разъяснили, как их избежать. Перечислив, что не сделано или что сделано неудовлетворительно, партийные лидеры заняли при этом весьма удобную позу умолчания: они как будто были знакомы с истиной, но не спешили поделиться ею. Такая позиция предоставляла неограниченные возможности карать историков за будущие подлинные или мнимые ошибки. Общие указания о том, что «нам нужен такой учебник истории СССР, где бы история Великороссии не отрывалась от истории других народов СССР... и где бы история народов СССР не отрывалась от истории общеевропейской и вообще мировой истории...», мало помогли устранить опасные неопределенностей. Вопрос заключался не в том, что это необходимо делать (Ванаг и его соавторы хорошо понимали значение проблемы), вопрос был в другом: как это сделать. Запутывали ученых и отдельные ошибочные заключения, например, что «в конспекте свалены в кучу...самодержавный строй государства и строй феодальный, когда Россия была раздроблена на множество самостоятельных полугосударств». Пожалуй, единственной приятной неожиданностью оказались для Ванага слова Сталина, что в конспекте «не учтена зависимая роль как русского царизма, так и русского капитализма от капитала западноевропейского, ввиду чего значение Октябрьской революции как освободительницы России от ее полукOLONиального положения остается немотивированным»⁴⁰. Ста-

лин будто нарочно возвращал Ванага в минувшие дни, реабилитируя его былые заблуждения и опровергая оппонентов, которых тогда историку не удалось убедить.

Ученый сполна воспользовался «подарком» вождя. В отличие от предшествовавших «Замечаниям...» статей и выступлений, где об отсталости и зависимости российского капитализма речь велась весьма завуалированно и с большими оговорками⁴¹, Н. Н. Ванаг вернулся к старым выводам. Собственные предупреждения из доклада «Военно-феодалный империализм в царской России» от 14 мая 1934 г. и статьи на аналогичную тему о том, что нельзя преувеличивать отсталость России, ибо она, используя технические достижения и западноевропейский опыт, в конце XIX — начале XX в. быстро догоняла передовые страны, можно было забыть. Мыслям Сталина гораздо больше соответствовала характеристика особенностей российского «военно-феодалного империализма» как «резерва новейшего капиталистического империализма Западной Европы по части вывоза капитала, его агентуры для выколачивания из трудящихся масс процентов по займам»⁴².

В спешно подготовленной работе «К вопросу о роли царской России на международной арене в конце XVIII и в XIX веке» свои «новые» старые взгляды Ванаг постарался спроецировать на внешнюю политику самодержавия. Слепо копируя указания Сталина о контрреволюционном характере внешней политики русского царизма со времени Екатерины II и о зависимости царизма и русского капитализма от западноевропейского империализма с конца XIX в., историк разорвал преемственную связь внешнеполитических событий. В его изображении царизм, выполнявший в первой половине XIX в. функции европейского жандарма, будто по мановению волшебной палочки оказался в вассальной зависимости от тех, кого он недавно душил. «Царская Россия с заключением франко-русского союза, — утверждал ученый, — оказалась резервом империалистической Франции не только в смысле поставки сотен тысяч солдат для обеспечения прибылей европейских капиталистов. Франция использовала экономическую отсталость царской России, быстро сосредоточив в своих руках такие решающие отрасли капиталистической промышленности страны, как угольная и металлургическая»⁴³. Поистине, чтобы написать эти строки, не надобны были кропотливая исследовательская работа историков и многолетние споры о финансовом капитале — достаточно было перевести стрелки часов назад, вернув советскую историографию в середину 1920-х гг.

Если в изучении империализма директивные «Замечания...» упростили исследовательскую задачу Н. Н. Ванага, сведя ее к повторению прежних ошибок, то с созданием учебника все выглядело по-иному. Вопросов было больше, чем ответов. К тому же поджимали сроки. Авторы трудились, не жалея сил, и 23 сентября доработанный конспект учебника был, наконец, отправлен на просмотр секретарю ЦК ВКП(б) А. А. Жданову.

Новый вариант состоял из 7 разделов: «Дофеодалный период истории СССР», «Феодализм. Период феодальной раздробленности», «Феодализм — период самодержавия», «Царская Россия в эпоху утверждения капитализма в передовых странах Европы. Кризис феодально-крепостного строя и развитие капитализма», «Развитие промышленного капитализма. Первые шаги марксизма в России», «Царская Россия в эпоху империализма. Буржуазно-демократическая революция» и «Социалистическая революция и победа социализма в СССР»⁴⁴. Стремление втиснуть историю России в ту периодизацию всеобщей истории, которую Сталин обозначил в «Замечаниях...», вызвало появление специального, четвертого раздела. «Мы считаем, что именно эта периодизация должна лечь в основу периодизации нашей истории СССР», — заявил на одном из совещаний в Наркомпросе РСФСР Н. Н. Ванаг. Необходимо «...показать роль царской России в эпоху Французской революции... в эпоху становления капитализма в передовых странах Западной Европы. Это диктуется, во-первых, научной объективностью и, во-вторых, политической целесообразностью»⁴⁵.

В конспекте резко увеличилось число глав по истории народов СССР, о грабительской колониальной политике царизма и развитии национально-освободительных движений, о контрреволюционной роли самодержавия в европейской политике с конца XVIII в. Зато совсем пропала тема государственности и патриотизма, национальных интересов России. На фоне отдельных заимствованных у М. Н. Покровского оценок новая крайность ярко бросалась в глаза. Даже неискушенный читатель мог ее легко обнаружить в наименованиях и последовательности параграфов различных глав, (например, главы «Крепостная Россия в борьбе с буржуазной революцией в Европе»: «Павел I», «Завоевание Грузии и Закавказья», «Коалиция против Наполеона», «Аннексия Финляндии», «Подготовка новой войны против Наполеона», «Война 1812 г.», «Александр I и реставрация Бурбонов во Франции»). Тем не менее конспект получил одобрение в руководящих инстанциях и послужил основой для написания учебника.

О дальнейших событиях вокруг учебника рассказывает жена Ванага, бывший профессор Комуниверситета национальных меньшинств Запада и подготовительного ИКП, А. Э. Сальникова в письме на имя Н. С. Хрущева от 25 ноября 1958 г.: «В 1935 г. учебник был написан, отредактирован Ванагом и сдан в ЦК партии. Был выпущен макет учебника в количестве 200 экземпляров. И. В. Сталин сделал замечания по некоторым главам, но окончательного решения об учебнике не было. Вскоре же, в 1935 г., ЦК партии поручил Ванагу написать еще один учебник, сокращенный, для чего Ванагу предложили самому подобрать коллектив историков. В этот новый коллектив вошли С. В. Бахрушин и К. В. Базилевич, которые писали до конца XVIII в., Ванаг — с конца XVIII и по начало XX в., Б. М. Фрейдлин, который писал предфевральский период и 1917 г., А. М. Панкратова, которая писала весь советский период. В 1936 г. учебник был закончен, отредактирован Ванагом и сдан в ЦК партии».

За некоторыми хронологическими неточностями этот рассказ верно отображал события. Действительно, 27 августа 1935 г. заведующий отделом школ ЦК ВКП(б) Б. М. Волин направил Сталину макет учебника группы Ванага «История СССР» (ч. 1. М.: Учпедгиз, 1935. 494 с.), который осел затем в личной библиотеке вождя. Решения об издании учебника, однако, не последовало. 4 декабря того же года члены созданной еще 25 июня комиссии Политбюро ЦК ВКП(б) по просмотру учебников получили записку с резкой критикой ошибок учебника⁴⁶, и вопрос о его издании окончательно отпал. 3 марта 1936 г. в газетах было опубликовано постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об организации конкурса на лучший учебник для начальной школы по элементарному курсу истории СССР с краткими сведениями по всеобщей истории». Почти одновременно в конкурсное состязание включились коллективы под руководством А. В. Шестакова, И. И. Минца, С. М. Дубровского, П. О. Горина и др. Свою группу организовал и Ванаг. Так как при написании предшествующего учебника у Ванага сложились неприязненные отношения с Б. Д. Грековым, которого он обвинил в немарксизме, прикрепив к нему на завершающем этапе подготовки учебника «для помощи» П. С. Дроздова, авторы начальных разделов на этот раз были выбраны иные — С. В. Бахрушин и К. В. Базилевич. По предложению А. М. Панкратовой к сотрудничеству Ванаг привлек Б. М. Фрейдлина. Коллектив работал дружно и сдал рукопись в июне 1936 г. Но результата своего труда Ванаг так и не увидел.

Захлестнувшие страну атмосфера нетерпимости к инакомыслию, поиски «врагов народа», аресты и репрессии широко затронули советскую историографию. В марте 1935 г. в партийной организации Института истории Комкадемии развернулась кампания по обсуждению так называемого «дела В. И. Невского», в ходе которого были арестованы сотрудники института П. А. Анатолев, П. П. Парадизов и В. З. Зельцер. Поток взаимных обвинений вылился в наказание руководителей института. Ванаг был снят с должности заместителя директора и назначен заведующим кабинетом истории народов СССР⁴⁷. Спустя месяц, 13 апреля в «Правде» появилась заметка П. Рысакова «Алаш-ордынская контрабанда».

Вышедшая под редакцией Ванага книга «Очерки по истории Алаш-Орды» (Алма-Ата, 1935) расценивалась в ней как образчик буржуазного национализма. «Нельзя не отметить роли редактора Н. Н. Ванага,— писал П. Рысаков,— политическая бесхребетность которого зашла так далеко, что он любезно предоставил десятки страниц контрреволюционным демократам». После такой характеристики на страницах центрального печатного органа партии ученому пришлось вынести еще одну «проработку» в институте⁴⁸. Угроза публичного осуждения и в дальнейшем постоянно витала над бывшим троцкистом.

Несложно догадаться, в каких условиях трудился Ванаг над написанием школьных учебников. Быть может, ученый надеялся, что положительный результат гарантирует ему жизнь и возможность научного творчества. Быть может, разделял веру, что слепое следование официальному курсу, горячее одобрение всех инициатив тогдашнего руководства помогут избежать страшной беды. Не оттого ли так рьяно критиковал он на различных мероприятиях зимой 1936 г. своего бывшего учителя М. Н. Покровского?

В июне 1936 г. Ванаг был арестован, а 7 марта 1937 г. Военной коллегией Верховного Суда СССР осужден к высшей мере наказания. Жизнь ученого оборвалась из-за нелепых обвинений в террористической деятельности и связи с группой В. И. Невского. По иронии судьбы Ванаг разделил участь тех, кого он совсем недавно обличал.

Примечания

¹ См., напр.: Тарновский К. Н. Советская историография российского империализма. М., 1964; Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 4. М., 1966; Бовыкин В. И. Зарождение финансового капитала в России. М., 1967; Алаторцева А. И. Журнал «Историк-марксист». М., 1979; Городецкий Е. Н. Советская историография Великого Октября. М., 1981; Соколов В. Ю. История и политика (К вопросу о содержании и характере дискуссий советских историков 1920-х — начала 1930-х гг.). Томск, 1990 и др.

² Архив Российской АН (далее — Архив РАН), ф. 350, оп. 3, д. 194, л. 3—3 об.

³ Экономическое развитие России со второй половины XIX в. до Февральской революции/Составители Н. Ванаг и С. Томсинский. Ростов н/Д., 1925 (изд. 2—1925, изд. 3—1928, изд. 4—1928—1930).

⁴ Историк-марксист. 1928. № 8. С. 220.

⁵ Соколов В. Ю. Указ. соч. С. 41.

⁶ Текст доклада Н. Н. Ванага на аналогичную тему сохранился в личном фонде М. Н. Покровского. См.: Архив РАН, ф. 1759, оп. 5, д. 8, л. 1—149.

⁷ Ванаг Н. Финансовый капитал в России накануне мировой войны. М., 1925. С. 25.

⁸ Покровский М. Н. Октябрьская революция: Сб. ст. М., 1929. С. 62.

⁹ Ванаг Н. Промышленность//1905. История революционного движения в отдельных очерках. Т. 1. Предпосылки революции. М., Л., 1926. С. 171—230; его же. 9-е Января//Там же. Т. 2. От января к октябрю. М., Л., 1925. С. 21—78. См. также: Ванаг Н. Предисловие к публикации. Проект манифеста о событиях 9 января//Красный архив. 1925. № 4—5. С. 26—38.

¹⁰ Волобуев О. В., Муравьев В. А. Ленинская концепция революции 1905—1907 гг. в России и советская историография. М., 1982. С. 169.

¹¹ Ванаг Н. Реабилитирована ли теория «национализации» русского капитализма (Ответ т. А. Леонтьеву)//Вестник Коммунистической академии. 1925. № 12. С. 327—349. См. также: его же. Рецензия на кн.: Сарбьянов Вл. История русской промышленности: Краткий очерк. М., 1926//Социалистическое хозяйство. 1926. № 5. С. 307—309.

¹² Вестник Коммунистической академии. 1925. № 12. С. 335.

¹³ ЦГА, ф. 4655, оп. 2, д. 739, л. 2.

¹⁴ Подробнее о жизни и творчестве одного из способных учеников М. Н. Покровского — Б. Н. Тихомирова, младшего брата академика М. Н. Тихомирова, см.: Артизов А. Н. Борис Николаевич Тихомиров (1898—1939): Материалы о жизни и деятельности//Археографический ежегодник за 1989 год. М., 1990. С. 110—123.

¹⁵ Ванаг Н. Историк, поставивший свою научную работу на службу революции (М. Н. Покровский как историк)//Коммунистическая революция. 1928. № 20. С. 9, 10.

¹⁶ Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (далее — РЦХИДНИ), ф. 147, оп. 1, д. 30, л. 2—3.

¹⁷ ЦГА, ф. 4655, оп. 2, д. 764, л. 9.

¹⁸ РЦХИДНИ, ф. 147, оп. 1, д. 33, л. 44.

¹⁹ ЦГА, ф. 4655, оп. 2, д. 225, л. 1.

²⁰ См.: Тарновский К. Н., Указ. соч.; Бовыкин В. И. Указ. соч.

²¹ Труды Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов. Т. 1. М., 1930. С. 332. Основные идеи доклада Ванага изложил в статье «К методологии изучения финансового капитала в России» (Историк-марксист. 1929. № 12. С. 5–46).

²² Труды Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов. С. 318.

²³ В а н а г Н. Проблема двух путей развития капитализма в России в работах Ленина (сокращенная стенограмма заседаний секции 10 и 18 февраля и 2 марта 1931 г.)//Историк-марксист. 1931. № 22. С. 77–145. Опубликовано отдельной брошюрой: Ленинская концепция двух путей развития капитализма в России. М., 1931.

²⁴ Историк-марксист. 1931. № 22. С. 134.

²⁵ С о к о л о в В. Ю. Указ. соч. С. 144.

²⁶ Историк-марксист. 1932. № 4–5. С. 355–359. См. также: РЦХИДНИ, ф. 147, оп. 1, д. 30, л. 130 об.—134 об.

²⁷ Отзыв В. И. Невского см.: ОР ГБЛ, ф. 384, карт. 13, ед. хр. 29.

²⁸ В а н а г Н. Краткий очерк истории народов СССР. Ч. 1. М., 1932. С. 186, 323.

²⁹ Историк-марксист. 1933. № 4. С. 106–113.

³⁰ ЦГА, ф. 2306, оп. 70, д. 1826, л. 26–27 об.

³¹ В а н а г Н. Некоторые итоги научной сессии Института истории//Историк-марксист. 1933. № 3. С. 65–72. Краткий отчет о докладе Ванага «Маркс и русский исторический процесс» см.: Историк-марксист. 1933. № 2. С. 188–189; е г о ж е. Поворот к исторической конкретности//Борьба классов. 1934. № 5–6. С. 5–8.

³² ЦГА, ф. 2306, оп. 69, д. 2177, л. 1–35.

³³ Там же, л. 76–92 об., 93–94.

³⁴ История СССР. 1965. № 6. С. 97.

³⁵ ЦГА, ф. 2306, оп. 69, д. 2177, л. 40–63.

³⁶ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 120, д. 358, л. 72–73; Правда. 1934. 16 мая.

³⁷ ЦГА, ф. 2306, оп. 70, д. 1990, л. 41–45.

³⁸ Там же, д. 1992, л. 21–23 об.

³⁹ РЦХИДНИ, ф. 558, оп. 1, д. 3156, л. 1–7.

⁴⁰ Сталин И., Жданов А., Киров С. Замечания по поводу конспекта учебника по истории СССР//К изучению истории. М., 1938. С. 23.

⁴¹ См., напр.: Красный архив. 1933. № 3. С. 3–23; 1934. № 3. С. 3–30.

⁴² В а н а г Н. Ленин о военно-феодалном империализме царской России//Историк-марксист. 1934. № 1. С. 28–29. Текст доклада см.: АРАН, ф. 350, оп. 2, д. 638, л. 1–25.

⁴³ Историк-марксист. 1935. № 10. С. 64–65. Основные идеи статьи Ванага повторил 28 февраля 1935 г. в докладе «Международная политика царской России конца XVIII и на протяжении всего XIX столетия» в Комакадемии. См.: АРАН, ф. 350, оп. 2, д. 727, л. 1–33.

⁴⁴ Текст конспекта с поправками Ванага см.: РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 120, д. 356, л. 2–107.

⁴⁵ ЦГА, ф. 2306, оп. 70, д. 2207, л. 44–45.

⁴⁶ Основные положения этой записки повторены в статье В. А. Быстрянского «Критические замечания об учебниках по истории СССР» (Правда. 1936. 1 февраля; Борьба классов. 1936. № 2). Подробнее о конкурсе см.: Артизов А. Н. В угоду взглядам вождя (Конкурс 1936 г. на учебник по истории СССР)//Кентавр. 1991. Октябрь–декабрь.

⁴⁷ Центральный государственный архив общественных движений г. Москвы, ф. 211, оп. 1, д. 7, л. 40–45.

⁴⁸ Там же, л. 65–68.